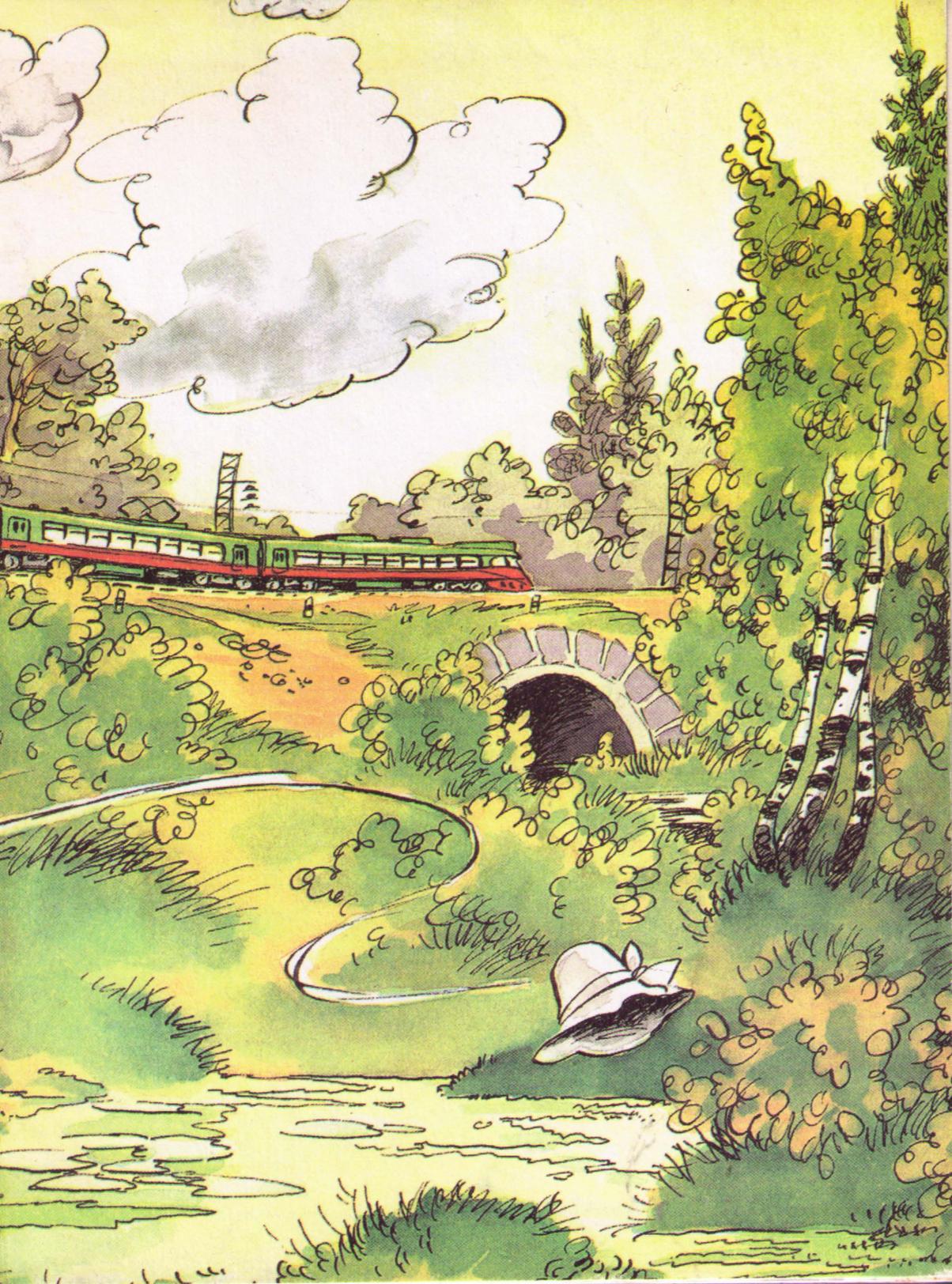

Виктор Драгунский

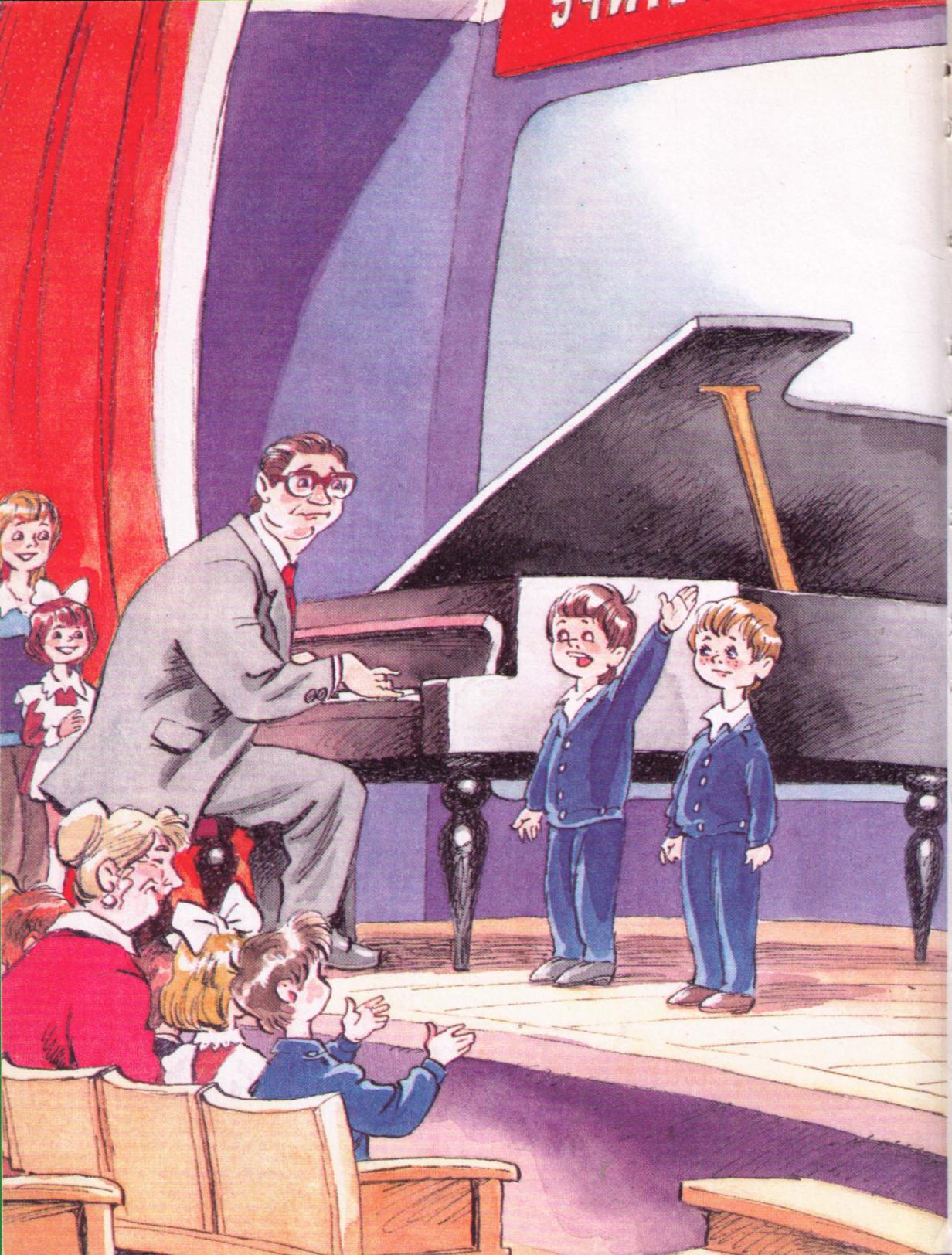
**ГДЕ ЭТО
ВИДАНО...**

Виктор Драгунский

ГДЕ ЭТО
ВИДАНО...

Художники В. и С.

ЭКСМО-ПРЕСС
1999

Мы с папой поехали на воскресенье в гости, к родным. Они жили в маленьком городе под Москвой, и мы на электричке быстро доехали.

Дядя Алексей Михайлович и тётя Мила встретили нас на перроне.

Алексей Михайлович сказал:

— Ого, Дениска-то как возмужал!

А папа ответил:

— Да, Алексей Михайлович, нам время тлеть, а этим чертенятам — цвести.

Тётя Мила засмеялась и сказала:

— Не болтайте глупости. Иди, Денек, со мной рядом. Это что за корзинка?

Я сказал:

— Здесь пластилин, карандаши и пистолеты...

Тётя Мила засмеялась, и мы пошли через рельсы, мимо станции и вышли на мягкую дорогу; по бокам дороги стояли деревья. И я быстро разулся и пошёл боси-

ком, и было немного щекотно и колко ступням, так же, как и в прошлом году, когда я в первый раз после зимы пошёл босиком. И в это время дорога повернула к берегу и в воздухе запахло рекой и ещё чем-то сладким, и я стал бегать по траве, и скакать, и кричать: «О-га-га-а!» И тётя Мила сказала:

— Телячий восторг.

И когда мы пришли к ней домой, было уже темно, и все сели на террасе пить чай, и мне тоже налили большую чашку. И я пил чай и клевал носом.

Вдруг Алексей Михайлович сказал папе:

— Знаешь, сегодня в ноль сорок к нам приедет Харитоша. Он у нас пробудет целые сутки, завтра только ночью уедет. Он проездом.

Папа ужасно обрадовался.

— Дениска, — сказал он, — твой двоюродный дядька Харитон Васильевич приедет! Он давно хотел с тобой познакомиться!

Я сказал:

— А почему я его не знаю?

Тётя Мила опять засмеялась.

— Потому что он живёт на Севере, — сказала она, — и редко бывает в Москве.

Я спросил:

— А он кто такой?

Алексей Михайлович поднял палец кверху:

— Капитан дальнего плавания — вот он кто такой. Не фунт изюму!

У меня даже мурашки побежали по спине. Как? Мой двоюродный дядька — капитан дальнего плавания? И я об этом только что узнал? Папа всегда так — про самое главное вспоминает совершенно случайно!

Я сказал:

— Что ж ты не говорил мне, папа, что у меня есть

дядя капитан дальнего плавания? Не буду тебе сапоги чистить!

Тётя Мила снова расхохоталась. Я уже давно заметил, что тётя Мила смеётся кстати и некстати. Сейчас она засмеялась некстати. А папа сказал:

— Я тебе говорил ещё в позапрошлом году, когда он приехал из Сингапура, но ты тогда был ещё маленький. И ты, наверно, забыл. Но ничего, ложись-ка спать, завтра ты с ним увидишься!

Тут тётя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтушка. А около окна стояла большая цветастая ширма.

— Вот здесь и ложись! — сказала тётя Мила. — Раздевайся! А корзинку с твоими пистолетами я повешу у тебя в ногах.

Я сказал:

— А папа где будет спать?

Она сказала:

— Скорее всего на террасе. Ты знаешь, как твой папа любит свежий воздух. А что? Ты будешь бояться?

Я сказал:

— И нисколько.

Разделся и лёг.

Тётя Мила сказала:

— Спи спокойно, мы тут, рядом.

И ушла.

А я улёгся на тахтушке и укрылся большим клетчатым платком. Я лежал и слышал, как они там тихо разговаривают на террасе и смеются, и я хотел спать, но всё время думал про своего капитана дальнего плавания.

Интересно, какая у него борода? Неужели растёт прямо из шеи, как я видел на картинке? А трубка какая?

Кривая или прямая? А кортик — именной или простой? Капитанов дальнего плавания часто награждают именными кортиками за проявленную смелость. Конечно, ведь они там во время своих рейсов каждый день насканивают на айсберги, или встречают огромных китов и белых медведей, или спасают людей с терпящих бедствие кораблей. Ясно, что тут надо проявлять смелость, иначе сам пропадёшь со всеми матросами вместе и корабль погубишь. А если такой корабль, как атомный ледокол «Ленин», погубить, жалко небось, да? А вообще-то говоря, капитаны дальнего плавания не обязательно ездят только на Север, есть такие, которые в Африке бывают, и у них на корабле живут обезьянки и мангусты, которые уничтожают змей, я про это читал в книжке. Вот мой капитан дальнего плавания — он в позапрошлом году приехал из Сингапура. Удивительное слово какое: «Сингапур»... Я обязательно попрошу своего дядю рассказать мне про Сингапур: какие там люди, какие там дети, какие лодки и паруса... Обязательно попрошу рассказать. И я так долго думал и незаметно уснул...

А в середине ночи я проснулся от страшного рычания. Это, наверно, какая-то собака забралась в комнату, учуяла, что я здесь сплю, и это ей понравилось. Она рычала страшным образом, откуда-то из-под ширмы, и мне казалось, что я в темноте вижу её наморщенный нос и оскаленные белые зубы. Я хотел позвать папу, но вспомнил, что он спит далеко, на террасе, и я подумал, что я никогда ещё не боялся собак, так что и теперь тоже нечего трусить. Всё-таки мне уже скоро восемь.

Я крикнул:

— Тубо! Спать!

И собака сразу заплямкала губами, как будто поперхнулась, и замолчала.

Я лежал в темноте с открытыми глазами. В окошко ничего не было видно, только чуть виднелась одна ветка. Она была похожа на верблюда, как будто он стоит на задних лапах и служит. Я поставил одеяло козырьком перед глазами, чтобы не видеть верблюда, и стал повторять таблицу умножения на семь, от этого я всегда быстро засыпаю. И верно: не успел я дойти до семью семь — сорок семь, как у меня в голове всё закачалось, и я почти уснул, но в это время в углу за ширмой собака, которая, наверно, тоже не спала, опять зарычала. Да как! В сто раз страшнее, чем в первый раз. У меня внутри что-то ёкнуло. Но я всё-таки закричал на неё:

— Тубо! Лежать! Спать сейчас же!..

Она опять чуточку притихла. А я вспомнил, что моя дорожная корзинка стоит у меня в ногах и что там, кроме моих вещей, лежит ещё пакет с едой, который мама положила мне на дорогу. И я подумал, что если эту собаку немножко прикормить, то она, может быть, подobreет и перестанет на меня рычать. И я сел, стал рыться в корзинке, и хотя в темноте трудно было разобраться, но я всё-таки вытащил оттуда котлету и два яйца — мне как раз не было их жалко, потому что они были сварены всмятку. И как только собака опять зарычала, я кинул ей за ширму одно за другим оба яйца:

— Тубо! Есть! И сразу спать!..

Она сначала помолчала, а потом зарычала так свирепо, что я понял: она тоже не любит яйца всмятку. Тогда я метнул в неё котлету. Было слышно, как котлета шлёпнулась об неё, собака гамкнула и перестала рычать.

Я сказал:

— Ну вот. А теперь — спать! Сейчас же!

Собака уже не рычала, а только сопела. Я укрылся поплотнее и уснул...

Утром я вскочил от яркого солнца и побежал в одних трусиках на террасу. Папа, Алексей Михайлович и тётя Мила сидели за столом. На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться. Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студёная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, и побежал завтракать. Я сел за стол и стал хрустеть редиской, и заедать её чёрным хлебом, и солить, и славно мне было — так и хрустел бы целый день. Но потом я вдруг вспомнил самое главное!

Я сказал:

— А где же капитан дальнего плавания?! Неужели вы меня обманули?

Тётя Мила рассмеялась, а Алексей Михайлович сказал:

— Эх, ты! Всю ночь проспал с ним рядом и не заметил... Ну ладно, сейчас я его приведу, а то он проспит весь день. Устал с дороги.

Но в это время на террасу вышел высоченный человек с красным лицом и зелёными глазами. Он был в пижаме. Никакой бороды на нём не было. Он подошел к столу и сказал ужасным басом:

— Доброе утро! А это кто? Неужели Денис?

У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается.

Папа сказал:

— Да, эти сто грамм веснушек — вот это и есть Денис, только и всего. Познакомьтесь. Денис, вот твой долгожданный капитан!

Я сразу встал. Капитан сказал:

— Здорово!

И протянул мне руку. Я пожал её. Она была твёрдая, как доска. Капитан был очень симпатичный. Но уж очень страшный был у него голос. И потом, где же кортик? Пижама какая-то. Ну, а трубка где? Всё равно уж — прямая или кривая, ну хоть какая-нибудь! Не было никакой... Я сел за стол.

— Как спал, Харитоша? — спросила тётя Мила.

— Плохо! — сказал капитан. Не знаю, в чём дело. Всю ночь на меня кто-то кричал. Только, понимаете ли, начну засыпать, как кто-то кричит: «Спать! Спать сейчас же!» А я от этого только просыпаюсь! Потом усталость берёт своё, всё-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон, опять крик: «Спать! Лежать!» А в завершение всей этой чертовщины на меня стали падать откуда-то разные продукты — яйца, что ли... По-моему, я во сне слышал запах котлет. И ещё всё мне сквозь сон слышатся какие-то непонятные слова: не то «куш!», не то «апорт!»...

— «Тубо!» — сказал я. — «Тубо», а не «апорт!» Потому что я думал — там собака... Кто-то так рычал!

Капитан сказал своим басом:

— Я не рычал. Я, наверно, храпел?..

Это было ужасно. Я понял, что он никогда не подружится со мной. Я встал и вытянул руки по швам. Я сказал:

— Товарищ капитан! Было очень похоже на рычание. И я, наверно, немножко испугался.

Капитан сказал:

— Вольно. Садись.

Я сел за стол и почувствовал, что у меня в глазах как

будто песку насыпало, колет, и я не могу смотреть на капитана. Мы все долго молчали.

Потом он сказал:

— Имей в виду, я совершенно не сержусь.

Но я всё-таки не мог на него посмотреть.

Тогда он сказал:

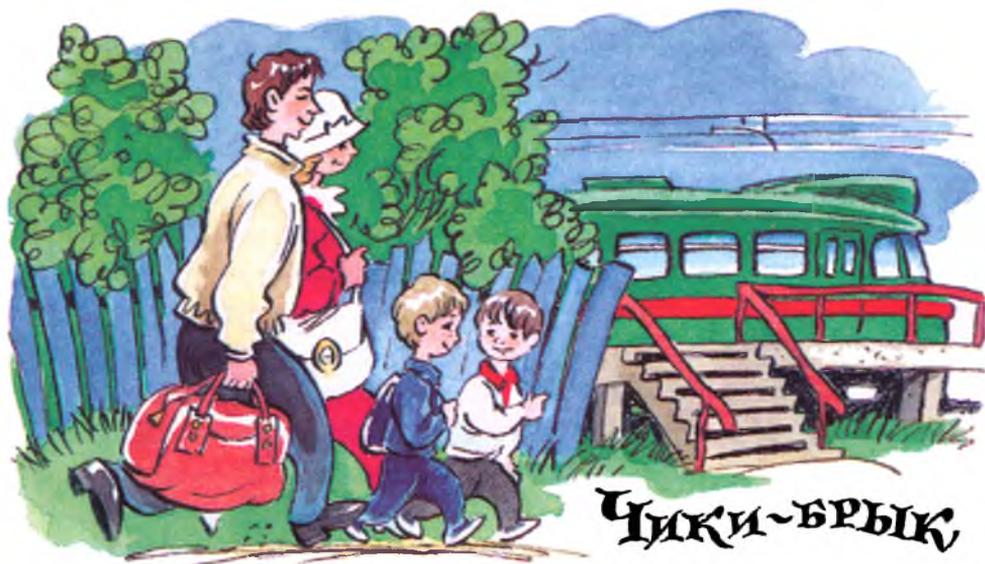
— Клянусь своим именным кортиком.

Он сказал это таким весёлым голосом, что у меня сразу словно камень упал с души.

Я подошел к капитану и сказал:

— Дядя, расскажите мне про Сингапур.

Я недавно чуть не помер. Со смеху. А всё из-за Мишки.

Один раз папа сказал:

— Завтра, Дениска, поедем пастись на травку. Завтра и мама свободна, и я тоже. Кого с собой захватим?

Я говорю:

— Известное дело кого — Мишку.

Мама сказала:

— А его отпустят?

— Если с нами, то отпустят, почему же? — сказал я. — Давайте я его приглашу.

И я сбегал к Мишке, и когда вошел к ним, сказал: «Здрассте!» Его мама мне не ответила, а сказала его папе:

— Видишь, какой воспитанный, не то что наш...

А я им всё объяснил, что мы Мишку приглашаем завтра погулять за городом, и они сейчас же ему разрешили, и на следующее утро мы поехали.

В электричке очень интересно ездить, очень!

Во-первых, ручки на скамейках блестят. Во-вторых, тормозные краны — красные, висят прямо перед глазами. И сколько ни ехать, всегда хочется дёрнуть такой кран или хоть погладить его рукой. А самое главное — можно в окошко смотреть, там специальная приступочка есть. Если кто не достаёт, можно на эту приступочку встать и высунуться. Мы с Мишкой сразу заняли окошко, одно на двоих, и было здорово интересно смотреть, что вокруг лежит совершенно новенькая трава и на заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как флажки на кораблях.

Но папа и мама не давали нам никакого житья.

Они поминутно дёргали нас сзади за штаны и кричали:

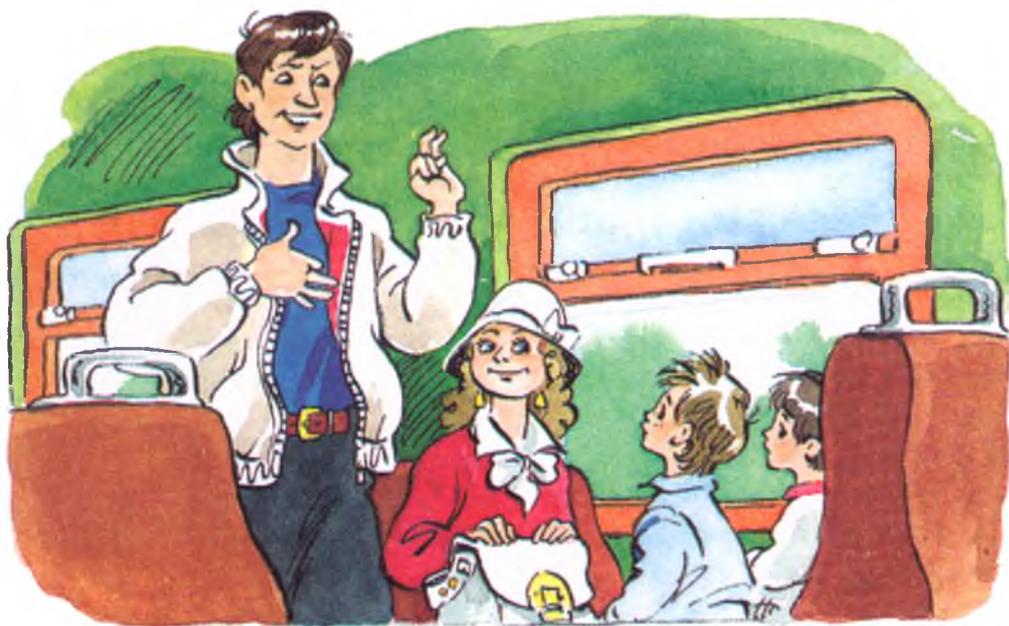
— Не высовывайтесь, вам говорят! А то вывалитесь!

Но мы все высовывались. И тогда папа пустился на хитрость. Он, видно, решил во что бы то ни стало отвлечь нас от окошка. Поэтому он скорчил смешную гримасу и сказал нарочным, цирковым голосом:

— Эй, ребятня! Занимайте ваши места! Представление начинается!

И мы с Мишкой сразу отскочили от окна и уселись рядом на скамейке, потому что мой папа известный шутник, и мы поняли, что сейчас будет что-то интересное. И все пассажиры, кто был в вагоне, тоже повернули головы и стали смотреть на папу. А он как ни в чём не бывало продолжал своё:

— Уважаемые зрители! Сейчас перед вами выступит непобедимый мастер Черной магии, Сомнамбулизма и Катаlepsии!!! Всемирно известный фокусник-иллюзионист, любимец Австралии и Малаховки, пожиратель шпаг, консервных банок и перегоревших электроламп,

профессор Эдуард Кондратьевич Кио-Сио! Оркестр — музыку! Тра-би-бо-бум-ля-ля! Тра-би-бо-бум-ля-ля!

Все уставились на папу, а он встал перед нами с Мишкой и сказал:

— Нумер смертельного риска! Отрыванье живого указательного пальца на глазах у публики! Нервных просят не падать на пол, а выйти из зала. Внимание!

И тут папа сложил руки как-то так, что нам с Мишкой показалось, будто он держит себя правой рукой за левый указательный палец. Потом папа весь напрягся, покраснел, сделал ужасное лицо, словно он умирает от боли, и вдруг он разозлился, собрался с духом и... оторвал сам себе палец! Вот это да!.. Мы сами видели... Крови не было. Но и пальца не было! Было гладкое место. Даю слово!

Папа сказал:

— Вуаля!

Я даже не знаю, что это значит. Но всё равно я захлопал в ладоши, а Мишка закричал «бис». Тогда папа взмахнул обеими руками, полез к себе за шиворот и сказал:

— Але-оп! Чики-брык!

И приставил палец обратно! Да, да! У него откуда-то вырос новый палец на старом месте! Совсем такой же, не отличишь от прежнего, даже чернильное пятно и то такое же, как было! Я-то, конечно, понимал, что это какой-то фокус и что я во что бы то ни стало вызнаю у папы, как он делается, но Мишка совершенно ничего не понимал. Он сказал:

— А как это?

А папа только улыбнулся:

— Много будешь знать — скоро состаришься!

Тогда Мишка сказал жалобно:

— Пожалуйста, повторите ещё разок! «Чики-брык!»

И папа опять всё повторил, оторвал палец и приставил, и опять было сплошное удивление. Затем папа поклонился, и мы подумали, что представление окончилось, но оказалось, ничего подобного. Папа продолжал.

— Ввиду многочисленных заявок, — сказал он, — представление продолжается! Сейчас будет показано втирание звонкой монеты в локоть факира! Маэстро, три-бо-би-бум-ля-ля!

И папа вынул монетку, положил её себе на локоть и стал тереть этой монеткой о свой пиджак. Но она никуда не втиралась, а всё время падала, и тогда я стал насмехаться над папой. Я сказал:

— Эх, эх! Ну и факир! Прямо горе, а не факир!

И все вокруг рассмеялись, а папа сильно покраснел и закричал:

— Эй, ты, гривенник! Втирайся сейчас же! А то я тебя сейчас отдам вон тому дядьке за мороженое! Будешь знать!

И гривенник как будто испугался папы и моментально втёрся в локоть. И исчез.

— Что, Дениска, съел? — сказал папа. — Кто тут кричал, что я горе-факир? А теперь смотри: феерия-пантомима! Вытаскивание разменной монеты из носа прекрасного мальчика Мишки! Чики-брык!

И папа вытащил монету из Мишкиного носа. Ну, товарищи, я и не знал, что мой папа такой молодец! А Мишка прямо засиял от гордости, что это вот именно из его носа вытащили монету. Он весь расслабился от удовольствия и снова закричал папе во всё горло:

— Пожалуйста, повторите еще разик «чики-брык»!

И папа опять все ему повторил, а потом мама сказала:

— Антракт! Переходим в буфет.

И она дала нам по бутерброду с колбасой. И мы с Мишкой вцепились в эти бутерброды, и ели, и болтали ногами, и смотрели по сторонам, а вдруг Мишка ни с того ни с сего заявляет:

— А я знаю, на что похожа ваша шляпа.

Мама говорит:

— Ну-ка скажи, на что?

А Мишка:

— На космонавтский шлем.

Папа сказал:

— Точно. Ай да Мишка, верно подметил! И правда, эта шляпка похожа на космонавтский шлем. Ничего не поделаешь, мода старается не отставать от современности. Ну-ка, Мишка, иди-ка сюда!

И папа взял мамину новую шляпку и нахлобучил Мишке на голову.

— Настоящий Попович! — сказала мама.

А Мишка действительно получился как маленький космонавт. Он сидел такой важный и смешной, что все, кто проходил мимо, смотрели на него и улыбались.

И папа улыбался, и мама, и я тоже улыбался, что Мишка такой симпатяга. Потом нам купили по мороженому, и мы стали его кусать и лизать, и Мишка быстрее меня справился и пошёл снова к окошку. Он схватился за рамку, встал на приступочку и высунулся наружу.

Наша электричка бежала быстро и ровно, за окном

пролетала природа, и Мишке, видать, хорошо там было торчать в окошке, с космонавтским шлемом на голове, и больше ничего на свете ему не нужно было, так он был доволен. И я захотел стать с ним рядом, но в это

время мама подтолкнула меня локтем и показала глазами на папу.

А папа тихонько встал и пошёл на цыпочках в другое отделение, там тоже окошко было открыто, и никто в него не глядел. У папы был очень таинственный вид, и все кругом притихли и стали следить, за папой. А он неслышными шагами пробрался к этому окошку, высунул голову и тоже стал смотреть вперед, по ходу поезда, туда же, куда смотрел и Мишка. Потом папа медленно-медленно высунул правую руку, осторожно дотянулся до Мишки и вдруг с быстротой молнии сорвал с него мамину шляпку! Папа тут же отпрыгнул от окошка и спрятал шляпку за спину, он там её заткнул за пояс. Я всё это очень хорошо видел, потому что я видел папу со спины. Но Мишка-то этого не видел! Он схватился за голову, не нашёл там маминой шляпки, испугался, отскочил от окна и с каким-то ужасом остановился перед мамой. А мама воскликнула:

— В чём дело? Что случилось, Миша? Где моя новая шляпка? Неужели её сорвало ветром? Ведь я говорила тебе: не высовывайся. Чужало моё сердце, что я останусь без шляпки! Как же мне теперь быть?

И мама закрыла лицо руками и задёргала плечами, как будто она горько плачет. На бедного Мишку просто жалко было смотреть, он лепетал прерывающимся голосом:

— Не плачьте... пожалуйста. Я вам куплю новую шляпку... У меня деньги есть... Сорок семь копеек. Я на марки собирал...

У него задрожали губы, и папа, конечно, не мог этого перенести. Он сейчас же соорудил свою смешную рожицу и закричал цирковым голосом:

— Граждане, внимание! Не плачьте и успокойтесь!

Ваше счастье, что вы знакомы со знаменитым волшебником Эдуардом Кондратьевичем Кио-Сио! Сейчас будет показан грандиозный трюк: «Возврат шляпы, выпавшей из окна голубого экспресса». Приготовились! Внимание! Чики-брык!

И у папы в руках оказалась мамина шляпка. Даже я и то не заметил, как проворно папа вытащил её из-за спины. Все прямо ахнули! А Мишка сразу посветлел от счастья. Глаза у него от удивления растарацились и полезли на лоб. Он был в таком восторге, что просто обалдел. Он быстро подошёл к папе, взял у него шляпку, побежал обратно и что есть силы по-настоящему швырнул её за окно. Потом он повернулся и сказал моему папе:

— Пожалуйста, повторите ещё разик... «чики-брык»!

Вот тут-то и получилось, что я чуть не помер со смеху.

— Вот, — сказала мама, — полюбуйте! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, вечером мой чашки, а днём целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!

— Да, — сказал папа, — действительно, это ужасно! Как жалко, что ничего не придумано в этом смысле. Что смотрят инженеры? Да, да... Бедные женщины.

Папа глубоко вздохнул и уселся на диван.

Мама увидела, как он удобно устроился, и сказала:

— Нечего тут сидеть и притворно вздыхать! Нечего всё валить на инженеров! Я даю вам обоим срок. До обеда вы должны что-нибудь придумать и облегчить мне эту проклятую мойку! Кто не придумает, того я отказываюсь кормить. Пусть сидит голодный. Дениска! Это и тебя касается. Намотай себе на ус!

Я сразу сел на подоконник и начал придумывать, как быть с этим делом. Во-первых, я испугался, что мама в

самом деле не будет меня кормить и я, чего доброго, помру от голода, а во-вторых, мне интересно было что-нибудь придумать, раз инженеры не сумели. И я сидел и думал и искоса поглядывал на папу, как у него идут дела. Но папа и не думал думать. Он побрился, потом надел чистую рубашку, потом прочитал штук десять газет, а затем спокойненько включил радио и стал слушать какую-то ерунду за истёкшую неделю.

Тогда я стал думать ещё быстрее. Я сначала хотел выдумать электрическую машину, чтобы сама мыла посуду и сама вытирала, и для этого я немножко развинтил наш электрополотёр и папину электробритву «Харьков». Но у меня не получалось, куда прицепить полотенце.

Выходило, что при запуске машины бритва разрежет полотенце на тысячу кусочков. Тогда я все свинтил обратно и стал придумывать другое. И часа через два я вспомнил, что читал в газете про конвейер, и от этого я сразу придумал довольно интересную штуку. И когда наступило время обеда, и мама накрыла на стол, и мы все расселись, я сказал:

— Ну что, папа? Ты придумал? `

— Насчёт чего? — сказал папа.

— Насчёт мойки посуды, — сказал я. — А то мама перестанет нас с тобой кормить.

— Это она пошутила, — сказал папа. — Как это она не будет кормить родного сына и горячо любимого мужа?

И он весело рассмеялся.

Но мама сказала:

— Ничего я не пошутила, вы у меня узнаете! Как не стыдно! Я уже сотый раз говорю — я задыхаюсь от посуды! Это просто не по-товарищески: самим сидеть на подоконнике и бриться, и слушать радио, в то время как

я укорачиваю свой век, отмывая ваши ужасные чашки и тарелки.

— Ладно, — сказал папа, — что-нибудь придумаем! А пока давайте же обедать! О, эти драмы из-за пустяков!..

— Ах, из-за пустяков? — сказала мама и прямо вся вспыхнула: — Нечего сказать, красиво! А я вот возьму и в самом деле не дам вам обеда, тогда вы у меня не так запоёте!

И она сжала пальцами виски и встала из-за стола. И стояла у стола долго-долго и всё смотрела на папу. А папа сложил руки на груди и раскачивался на стуле и тоже смотрел на маму. И они молчали. И не было никакого обеда. И я ужасно хотел есть. Я сказал:

— Мама! Это только один папа ничего не придумал. А я придумал! Всё в порядке, ты не беспокойся. Давайте обедать.

Мама сказала:

— Что же ты придумал?

Я сказал:

— Я придумал, мама, один хитрый способ!

Она сказала:

— Ну-ка, ну-ка...

Я спросил:

— А ты сколько моешь приборов после каждого обеда? А, мама?

Она ответила:

— Три.

— Тогда кричи «ура», — сказал я, — теперь ты будешь мыть только один! Я придумал хитрый способ!

— Выкладывай, — сказал папа.

— Давайте сначала обедать, — сказал я. — Я во время обеда расскажу, а то ужасно есть хочется.

— Ну что ж, — вздохнула мама, — давайте обедать.

И мы стали есть.

— Ну? — сказал папа.

— Это очень просто, — сказал я. — Ты только послушай, мама, как все складно получается! Смотри: вот обед готов. Ты сразу ставишь один прибор. Ставишь ты, значит, единственный прибор, наливаешь в тарелку супу, садишься за стол, начинаешь есть и говоришь папе: «Обед готов!»

Папа, конечно, идет мыть руки, и, пока он их моет, ты, мама, уже поедает суп и наливаешь ему нового, в свою же тарелку.

Вот папа возвращается в комнату и тотчас говорит мне:

«Дениска, обедать! Ступай руки мыть!»

Я иду. Ты же в это время ешь из мелкой тарелки котлеты. А папа ест суп. А я мою руки. И когда я их вымою, я иду к вам, а у вас папа уже поел супу, а ты

съела котлеты. И когда я вошёл, папа наливает супу в свою свободную глубокую тарелку, а ты кладёшь папе котлеты в свою пустую мелкую. Я ем суп, папа — котлеты, а ты спокойно пьёшь компот из стакана.

Когда папа съел второе, я как раз покончил с супом. Тогда он наполняет свою мелкую тарелку котлетами, а ты в это время уже выпила компот и наливаешь папе в этот же стакан. Я отодвигаю пустую тарелку из-под супа, принимаюсь за второе, папа пьёт компот, а ты, оказывается, уже пообедала, поэтому ты берёшь глубокую тарелку и идёшь на кухню мыть!

А пока ты моешь, я уже проглотил котлеты, а папа — компот. Тут он живенько наливает в стакан компоту для меня и относит свободную мелкую тарелку к тебе, а я залпом выдуваю компот и сам несу на кухню стакан! Всё очень просто! И вместо трёх приборов тебе придётся мыть только один. Ура?

— Ура, — сказала мама, — ура-то ура, только негигиенично!

— Ерунда, — сказал я, — ведь мы все свои. Я, например, нисколько не брезгую есть после папы. Я его люблю. Чего там... И тебя тоже люблю.

— Уж очень хитрый способ, — сказал папа. — И потом, что ни говори, а всё-таки гораздо веселее есть всем вместе, а не трехступенчатым потоком.

— Ну, — сказал я, — зато маме легче! Посуды-то в три раза меньше уходит.

— Понимаешь, — задумчиво сказал папа, — мне кажется, я тоже придумал один способ. Правда, он не такой хитрый, но все-таки...

— Выкладывай, — сказал я.

— Ну-ка, ну-ка... — сказала мама.

Папа поднялся, засучил рукава и собрал со стола всю посуду.

— Иди за мной, — сказал он, — я сейчас покажу тебе свой нехитрый способ. Он состоит в том, что теперь мы с тобой будем сами мыть всю посуду!

И он пошёл.

А я побежал за ним. И мы вымыли всю посуду. Правда, только два прибора. Потому что третий я разбил. Это получилось у меня случайно, я все время думал, какой простой способ придумал папа.

И как это я сам не догадался?..

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я всё хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить. Понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще.

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

— Это так говорится: «отрезвляюще», — засмеялась Люся. — А на самом деле просто эти ребята призадума-

ются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни: хочешь — соглашайся, не хочешь — отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнёр?

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живёшь?

— Товарищ у меня есть. Мишка. А партнёра нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

Я говорю:

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь погромче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

Я сказал:

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— Погоди, дай доесть.

Я стоял и смотрел, как он ест. Сам маленький, а сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезал, и шкурка трещала и лопалась, когда он её кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок. Я не выдержал и сказал тёте Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!
И тётя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку, мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже не чистя стал грызть её, и из неё брызгал горячий пахучий сок. И мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал на репетицию.

Там уже сидела наша октябрятская вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвёртого, очень некрасивый, с маленькими ушками и большими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

— Да.

Он сказал:

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришёл наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошёл к роялю:

— Ну те-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке — «Где это видано, где это слыхано...»

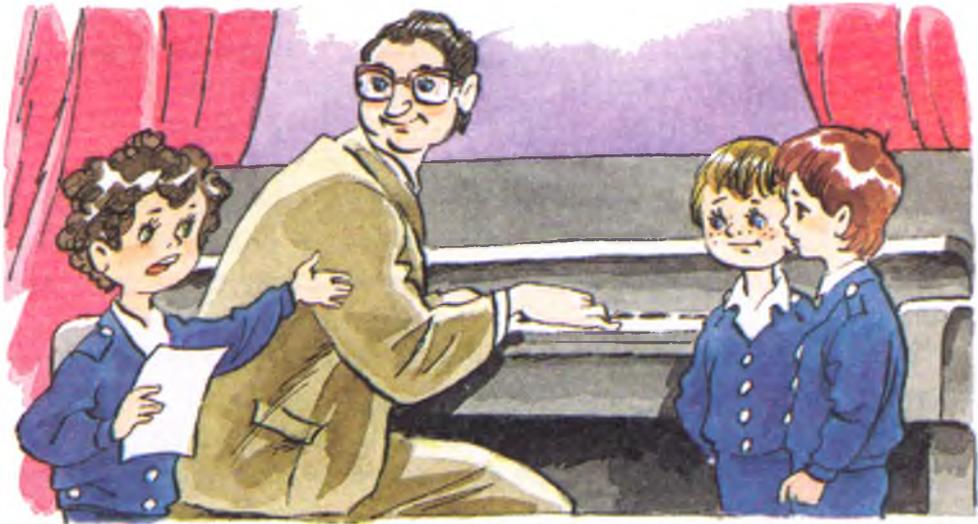
Борис Сергеевич кивнул головой:

— Читай вслух!

Андрюшка стал читать:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано —
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачку, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум — двойка! Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил!

А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьезно:

*Мелом расчерчен асфальт на квадратики.
Манечка с Танечкой прыгают тут.
Где это видано, где это слыхано —
В «классы играют», а в класс не идут?!*

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка — просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Борис Сергеевич слушал и сказал:

— Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, вот что-нибудь в этом роде. — И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши.

А Борис Сергеевич сказал:

— Ну те-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой:

— Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши довольно хороший слух... Правда, Дениска поёт не очень-то верно.

Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!..

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришел в школу, я увидел в раздевалке объявление:

ВНИМАНИЕ!

Сегодня на большой перемене в малом зале

состоится выступление летучего патруля

«Пионерского Сатирикона»!

Исполняет дуэт малышей!

На злобу дня!

Приходите все!

И во мне сразу что-то ёкнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно. Я сказал:

— Ну, сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как — неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегают как один? Я сказал:

— Ты что, с ума сошел, что ли? Людей подводишь?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка всё равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу прибежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперёд. Миша был белый, как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и, пока он собирался, наступила уже моя очередь, так вы-

ходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвёртый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

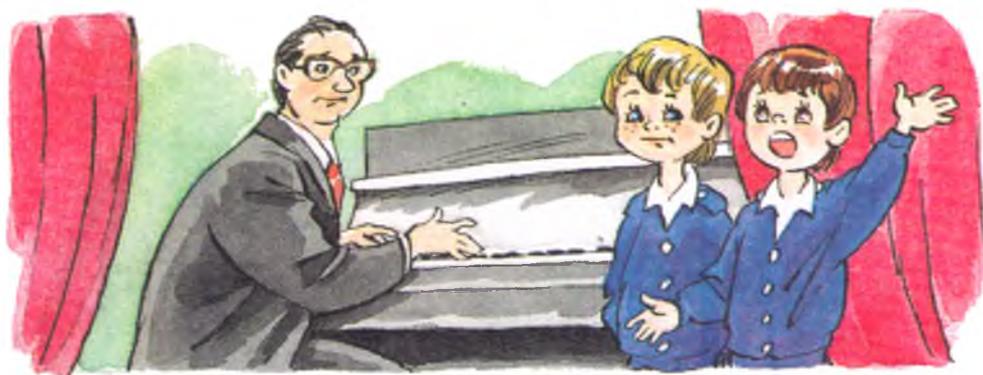
Я сразу подхватил и прокричал:

*Где это видано, где это слыхано —
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Все, кто был в зале, засмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвёртый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону и ни с того ни с сего запел сначала:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

*Где это видано, где это слыхано —
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Слава Богу, в зале было тихо — все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поёт».

А музыка в это время бежала всё дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завёл в третий раз:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжёлым, и я заорал со страшной злостью:

*Где это видано, где это слыхано —
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

— Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю! — И вежливо говорит Борису Сергеевичу: — Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвертом ударе заголосил как ни в чём не бывало:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и ещё увидел, что Люся, вся красная и растрёпанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну а я, пока суд да дело, докрикиваю:

*Где это видано, где это слыхано —
Папа решает, а Вася сдаёт?!*

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали как зарезанные, а Мишка из зелёного стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка! И!..

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало всё всё равно, и, когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

*Папа у Васи силён в математике,
Учится папа за Васю весь год.*

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни. Я, наверно бы, умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

Это дело было так. У нас был урок — труд. Раиса Ивановна сказала, чтобы мы сделали каждый по отрывному календарю, кто как сообразит. Я взял картонку, склеил её зеленой бумагой, посередине прорезал щёлку, к ней прикрепил спичечную коробку, а на коробку положил стопочку белых листиков, подогнал, подклеил, подровнял и на первом листике написал: «С Первым маем!»

Получился очень красивый календарь для маленьких детей. Если, например, у кого куклы, то для этих кукол. В общем, игрушечный. И Раиса Ивановна поставила мне «пять».

Она сказала:

— Мне нравится.

И я пошел к себе и сел на место. И в это время Лёвка Бурин тоже стал сдавать свой календарь, а Раиса Ивановна посмотрела на его работу и говорит:

— Наляпано.

И поставила Лёвке тройку.

А когда наступила перемена, Лёвка остался сидеть на скамейке. У него был довольно-таки невесёлый вид. А я в это время как раз промокал кляксу, и, когда увидел, что Лёвка такой грустный, я прямо с промокашкой в руке пошел к Лёвке. Я хотел его развеселить, потому что мы с ним дружим и он один раз подарил мне монетку с дыркой. И ещё обещал принести мне стреляную охотничью гильзу, чтобы я из неё сделал атомный телескоп.

Я подошел к Лёвке и сказал:

— Эх ты, Ляпа!

И соорил ему косые глаза.

И тут Лёвка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку. Вот когда я понял, как искры из глаз летят. Я страшно разозлился на Лёвку и треснул его изо всех сил промокашкой по шее. Но он, конечно, даже не почувствовал, а схватил свой портфель и пошёл домой. А у меня даже слёзы капали из глаз — так здорово поддал мне Лёвка, — капали прямо на промокашку и расплывались по ней, как бесцветные кляксы...

И тогда я решил Лёвку убить. После школы я целый день сидел дома и готовил оружие. Я взял у папы с письменного стола его синий разрезальный нож из пластмассы и целый день точил его о плитку. Я его упорно точил, терпеливо. Он очень медленно затачивался, но я всё точил и всё думал, как я приду завтра в класс и мой верный синий кинжал блеснёт перед Лёвкой, я занесу его над Лёвкиной головой, а Лёвка упадёт на колени и будет умолять меня даровать ему жизнь, и я скажу:

«Извинись!»

И он скажет:

«Извини!»

А я засмеюсь громовым смехом, вот так:

«Ха-ха-ха-ха!»

И эхо долго будет повторять в ущельях этот зловещий хохот. А девчонки от страха залезут под парты.

И когда я лёг спать, то всё ворочался с боку на бок и вздыхал, потому что мне было жалко Лёвку — хороший он человек, но теперь пусть несёт заслуженную кару, раз он стукнул меня пеналом по голове. И синий кинжал лежал у меня под подушкой, и я сжимал его рукоятку и чуть не стонал, так что мама спросила:

— Ты что там кряхтишь?

Я сказал:

— Ничего.

Мама сказала:

— Живот, что ли, болит?

Но я ничего ей не ответил, просто я взял и отвернулся к стенке и стал дышать, как будто я давно уже сплю.

Утром я ничего не мог есть. Только выпил две чашки чаю с хлебом и маслом, с картошкой и сосиской. Потом пошёл в школу. Синий кинжал я положил в портфель с самого верху, чтоб удобно было достать.

И перед тем как войти в класс, я долго стоял у дверей и не мог войти, так сильно билось сердце. Но все-таки я себя переборол, толкнул дверь и вошёл. В классе всё было как всегда, и Лёвка стоял у окна с Валериком. Я, как его увидел, сразу стал расстёгивать портфель, чтобы достать кинжал. Но Лёвка в это время побежал ко мне. Я подумал, что он опять стукнет меня пеналом или чем-нибудь ещё, и стал ещё быстрее расстёгивать портфель, но Лёвка вдруг остановился около меня и как-то затоптался на месте, а потом вдруг наклонился ко мне близко-близко и сказал:

— На!

И он протянул мне золотую стреляную гильзу. И глаза у него стали такие, как будто он ещё что-то хотел сказать, но стеснялся. А мне вовсе и не нужно было, чтобы он говорил, просто я вдруг совершенно забыл, что хотел его убить, как будто и не собирался никогда, даже удивительно.

Я сказал:

— Хорошая какая гильза.

Взял её. И пошёл на свое место.

КУРИНЫЙ БУЛЬОН

Мама принесла из магазина курицу, большую, синеватую, с длинными костлявыми ногами. На голове у курицы был большой красный гребешок. Мама повесила ее за окно и сказала:

— Если папа придёт раньше меня, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

— С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился, как его нос, а ветки на дереве, как волосы, уши и шапка... Я очень удивился, как могло так получиться, и, когда пришел папа, я сказал:

— Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

— Пожар?

Я сказал:

— Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

— Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

— Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

— Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

— Вон, за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил её на стол.

Он сказал:

— Легко сказать сварить! Сварить можно. Сварить — это ерунда. Вопрос, в каком бы виде нам её съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных питательных блюд. Можно, например, сделать простые куриные котлетки, а можно закатить министерский шницель — с виноградом! Я про это читал! Можно сделать такую котлету на косточке — называется «киевская» — пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить ее утюгом, облить чесноком и получится, как в Грузии, «цыплёнок табака». Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

— Ты, папа, сварь что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

— Верно, сынок! Нам что важно? Поешь побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон! Куриный бульон!

Папа даже руки потёр. Я спросил:

— А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

— А чего тут уметь? — У него даже заблестели глаза. — Бульон — это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое — бульон с хлебом, на второе — курица

варёная, горячая, дымящаяся. Ну-ка брось свою репинскую кисть и давай помогай!

Я сказал:

— А что я должен делать?

— Вот погляди! Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги, потому что я не люблю бульон лохматый. Ты состриги эти волоски, а я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить!

И он пошел на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской, и пощелкивал ножницами по воздуху, когда переходил от волоска к волоску.

Папа вошел в комнату, поглядел на меня и сказал:

— С боков больше снимай, а то получится под бокс!

Я сказал:

— Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

— Господи! Ну и бестолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл! Кончай стрижку! Ее нужно опалить на огне! Понимаешь? Так все делают. Мы её на огне подпалим, и все волоски сгорят, и не надо будет ни стрижки, ни бритья. За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним. Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. Она здорово горела и пахла на всю квартиру паленой шерстью. Папа поворачивал её с боку на бок и приговаривал:

— Сейчас, сейчас! Ох и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то черненькая, вся какая-то обугленная, и папа наконец погасил газ.

Он сказал:

— По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копчёную курицу?

Я сказал:

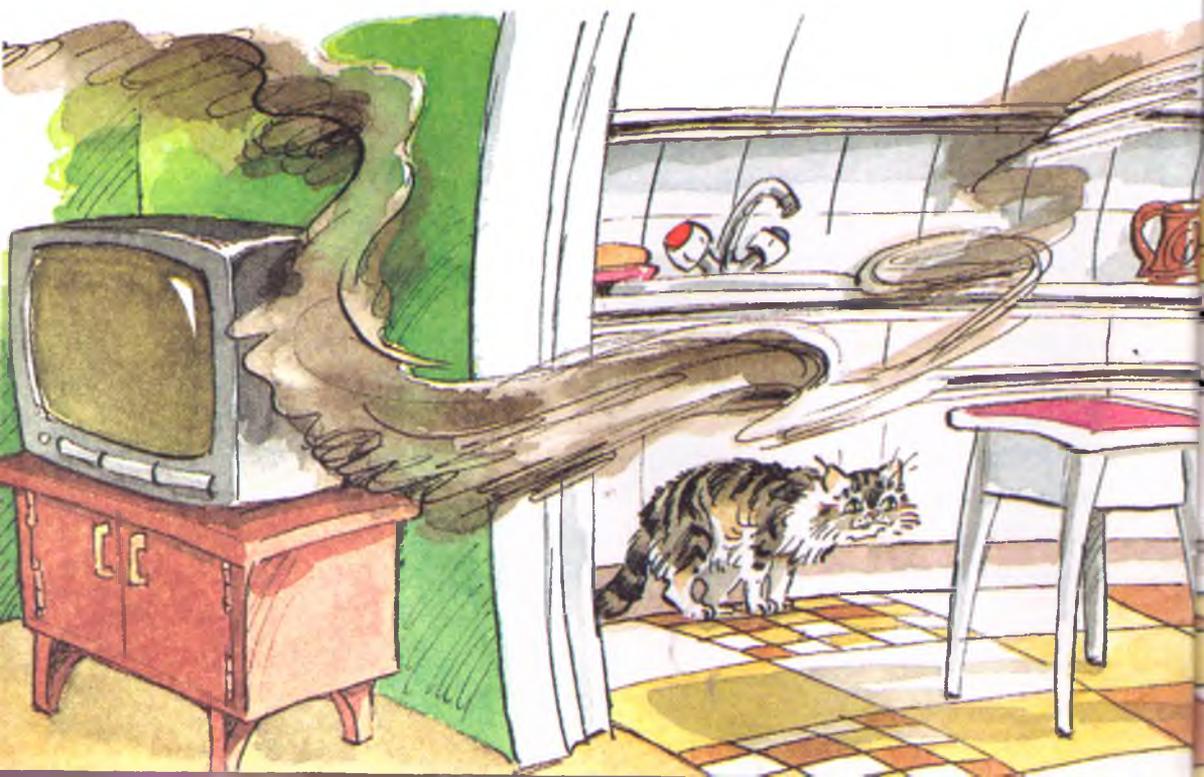
— Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я её вымою.

Он прямо обрадовался:

— Ты молодец! — сказал он. — Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность. Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми эту трубчистовую курицу и вымой её хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет. А я сказал:

— Сейчас, я её мигом!

И я подошёл к раковине и пустил воду, подставил под неё нашу курицу и стал тереть её правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и жутко грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

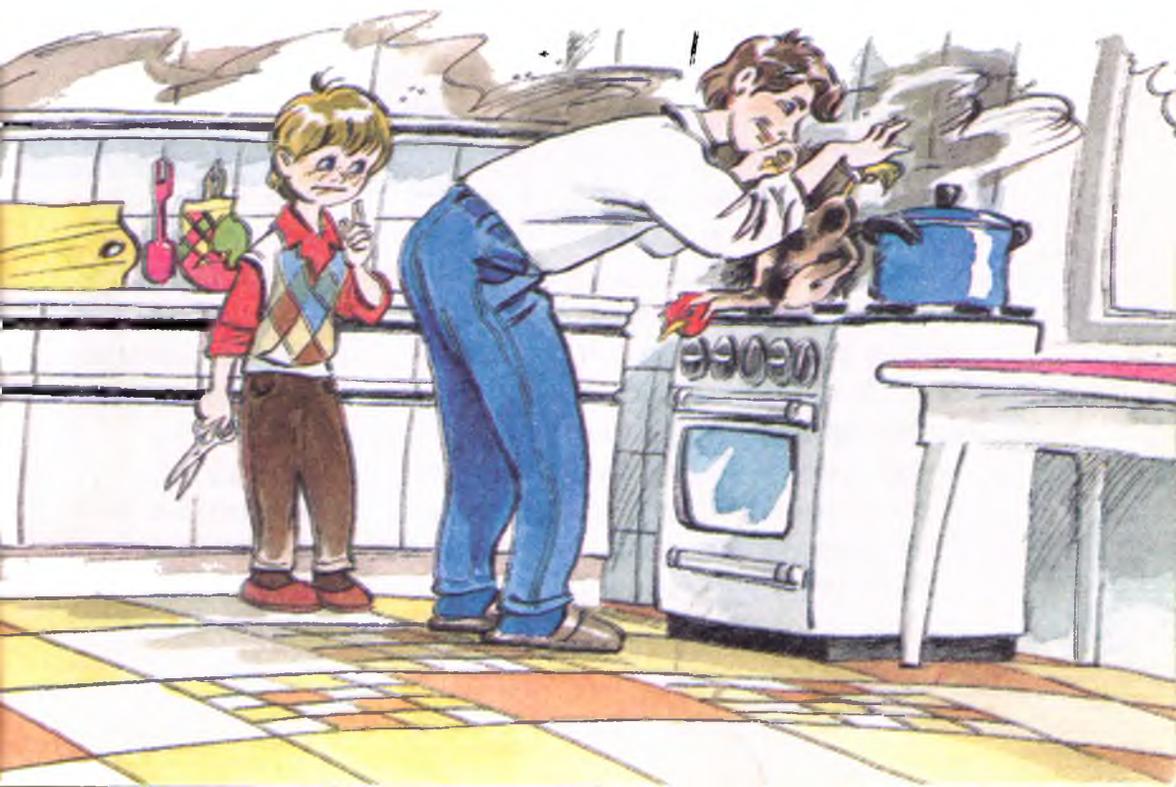
— Вот, — сказал я, — что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается. Сажи очень много.

— Пустяки, — сказал папа, — сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошёл в ванную и принёс мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

— На, — сказал он, — мой как следует! Намыливай!

И я стал намыливать эту несчастную курицу. У неё стал какой-то совсем уже дохловатый вид. Я довольно здорово её намылил, но она очень плохо отмыливалась, с неё стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

— Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:

— Вот щётка! Возьми-ка, потри её хорошенько! Сначала спинку, а уж потом всё остальное...

Я стал тереть. Я тёр изо всех сил и в некоторых местах даже протирал кожу. Но мне всё равно было очень трудно, потому что курица вдруг словно оживела и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норовила выскочить. А папа всё не сходил со своей табуретки и всё командовал:

— Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу.

Я тогда сказал:

— Пап, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел её взять, как вдруг она выпрыгнула у меня из рук и ускакала под самый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

— Подай швабру!

И когда я подал, папа стал шваброй выгребать её из-под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку, потом моего прошлогоднего оловянного солдатика, и я ужасно обрадовался, ведь я думал, что совсем потерял его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил, наконец, курицу. Она была вся в пыли. А папа был весь красный. Но он ухватил её за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

— Ну, теперь держись, синяя птица.

И он довольно чисто её прополоскал и положил в кастрюлю. В это время пришла мама. Она сказала:

— Что тут у вас за разгром!

А папа вздохнул и сказал:

— Курицу варим.

Мама сказала:

— Давно?

— Только сейчас окунули, — сказал папа.

Мама сняла с кастрюльки крышку.

— Солили? — спросила она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

— Потрошили? — сказала она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки. Она сказала:

— Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придётся всё за вас доделывать, горе-повара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола картинку свою. Я отдал маме фартук и спросил её про рисунок:

— Ну-ка, что я нарисовал? Угадай, мама?

Мама посмотрела и сказала:

— Швейная машинка? Да?

— Завтра первое сентября, — сказала мама, — и вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. О, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас «зарежем арбуза»!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошел Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас, и мы по нём соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

Он сказал:

— Привет! — и сел.

И мы начали есть, и долго ели, и молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

И когда Павле давали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Правда, — сказал папа. — Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы все опять занялись делом, и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

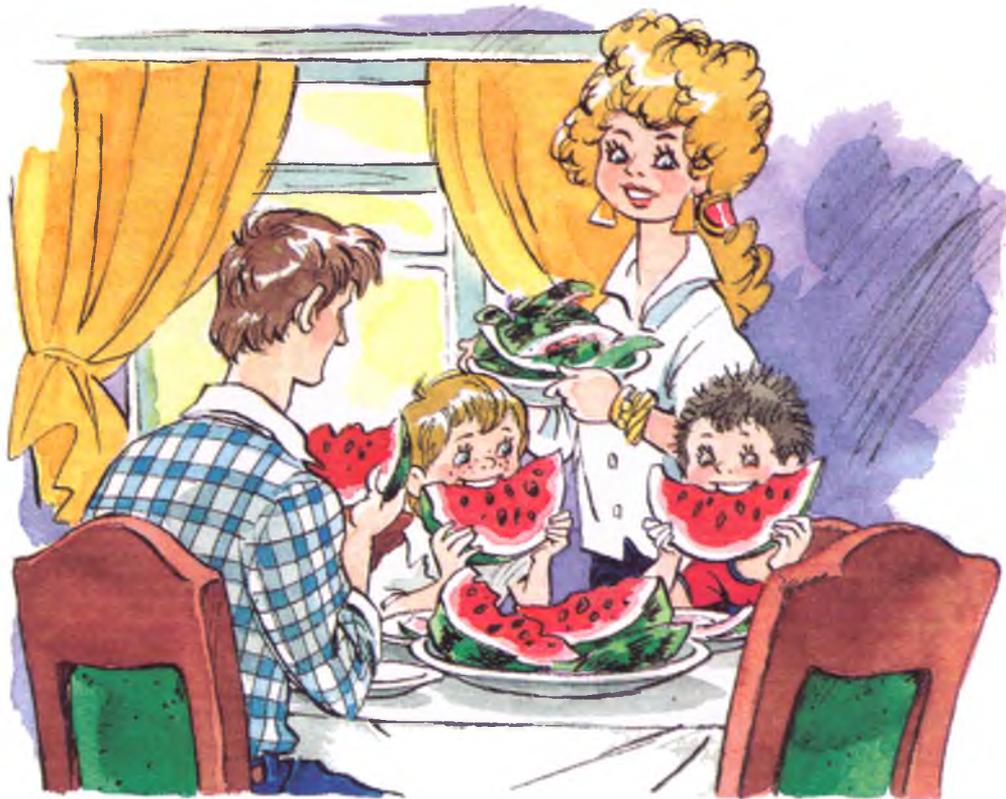
— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал... Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он время не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования. Он изучал английский язык и теперь небось сможет

переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки! Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа, — уважаю!

Павля прямо засиял:

— К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Еще бы не трудный, — вмешался папа. — Там

у них сам черт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля, — я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести грамм.

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама. — Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрассте»?

— Я «здрассте» еще не проходил, — сказал Павля.

— Ну вот ты арбуза поел, почему не сказал «спасибо»?

— Я сказал, — сказал Павля.

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до «спасибо» ещё не дошли, — сказал Павля. — Очень трудное проповисание.

Тогда я сказал:

— Павля, а ты научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

— Я этого ещё не изучил, — сказал Павля.

— Что же ты изучал? — закричал я. — За два месяца ты все-таки хоть что-нибудь-то изучил?

— Я изучил, как по-английски Петя, — сказал Павля.

— Ну как?

— Пит! — торжествующе объявил Павля. — По-английски «Петя» будет «Пит». — Он радостно засмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет. Верно, Денис?

— Верно, — сказал я. — Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

— Пока все, — сказал Павля.

Я давно уже заметил, что взрослые люди задают маленьким очень глупые вопросы. Они как будто сговорились. Получается так, словно они все выучили одинаковые вопросы и задают их всем ребятам подряд. Я так к этому делу привык, что наперёд знаю, как всё произойдет, если я познакомлюсь с каким-нибудь взрослым. Это будет так.

Вот раздаётся звонок, мама откроет дверь, кто-то будет долго гудеть что-то непонятное, потом в комнату войдёт новый взрослый. Он будет потирать руки. Потом уши, потом очки. Когда он их наденет, то увидит меня, и хотя он давным-давно знает, что я живу на этом свете, и прекрасно знает, как меня зовут, он всё-таки схватит меня за плечи, сожмёт их довольно-таки больно, притянет меня к себе и скажет:

— Ну, Денис, как тебя зовут?

Конечно, если бы я был невежливый человек, я бы ему сказал:

— Сами знаете! Ведь вы только сейчас назвали меня по имени, зачем же вы несёте несуразицу?

Но я вежливый. Поэтому я притворюсь, что не слышал ничего такого, я просто криво улыбнусь и, отведя в сторону глаза, отвечу:

— Денисом.

Он с ходу спросит дальше:

— А сколько тебе лет?

Как будто не видит, что мне не тридцать и даже не сорок! Ведь видит же, какого я роста, и, значит, должен понять, что мне самое большее семь, ну, восемь от силы, — зачем же тогда спрашивать? Но у него свои, взрослые взгляды и привычки, и он продолжает приставать:

— А? Сколько же тебе лет? А?

Я ему скажу:

— Семь с половиной.

Тут он расширит глаза и схватится за голову, как будто я сообщил, что мне вчера стукнуло сто шестьдесят один. Он прямо застонет, словно у него три зуба болят:

— Ой-ой-ой! Семь с половиной! Ой-ой-ой!

Но чтобы я не заплакал от жалости к нему и понял, что это шутка, он перестанет стонать. Он двумя пальцами довольно-таки больно ткнет меня в живот и бодро воскликнет:

— Скоро в армию! А?

А потом вернётся к началу игры и скажет маме с папой, покачивая головой:

— Что делается, что делается! Уж... Семь с половиной! Уже! — И, обернувшись ко мне, добавит: — А я тебя вот такусеньким знал!

И он отмерит в воздухе сантиметров двадцать. Это в то время, когда я точно знаю, что во мне был пятьдесят один сантиметр в длину. У мамы даже такой документ есть. Официальный. Ну, на этого взрослого я не обижаюсь. Все они такие. Вот и сейчас я твердо знаю, что ему положено задуматься. И он задумается. Железно. Он повесит голову на грудь, словно заснул. А тут я начну потихоньку вырываться из его рук. Но не тут-то было. Просто взрослый вспомнит, какие там у него ещё вопросы завалялись в кармане, он их вспомнит и, наконец, радостно улыбаясь, спросит:

— Ах, да! А кем ты будешь? А? Кем ты хочешь быть?

Я-то, честно говоря, хочу заняться спелеологией, но я понимаю, что новому взрослому это будет скучно, непонятно, это ему будет непривычно, и, чтобы не сбивать его с толку, я ему отвечу:

— Я хочу быть мороженщиком... У него всегда мороженого сколько хочешь.

Лицо нового взрослого сразу посветлеет. Всё в порядке, всё идёт так, как ему хотелось, без отклонений от нормы. Поэтому он хлопнет меня по спине (довольно-таки больно) и снисходительно скажет:

— Правильно! Так держать! Молодец!

И тут я по своей наивности думаю, что это уже всё, конец, и начну немного посмелее отодвигаться от него, потому что мне некогда, у меня ещё уроки не приготовлены и вообще тысяча дел, но он заметит эту мою попытку освободиться и подавит её в корне, он зажмёт меня ногами и закогтит руками, то есть, попросту говоря, он применит физическую силу, и, когда я устану и перестану трепыхаться, он задаст мне главный вопрос:

— А скажи-ка, друг ты мой... — скажет он, и ковар-

ство, как змея, проползёт в его голосе, — скажи-ка, кого ты больше любишь? Папу или маму?

Бестактный вопрос. Тем более что задан он в присутствии обоих родителей. Придётся ловчить.

— Михаила Таля, — скажу я.

Он захохочет. Его почему-то веселят такие кретинские ответы. Он повторит раз сто:

— Михаила Талья! Хах-ха-хаха-ха! Каково, а? Ну? Что вы скажете на это, счастливые родители?

И будет смеяться еще полчаса, и папа, и мама будут смеяться тоже. И мне будет стыдно за них и за себя. И я дам себе клятву, что потом, когда кончится этот ужас, я как-нибудь незаметно для папы поцелую маму, незаметно для мамы поцелую папу. Потому что я люблю их одинаково обоих, о-ди-на-ко-во! Клянусь своей белой мышкой! Ведь это так просто. Но взрослых это почему-то не удовлетворяет. Несколько раз я пробовал честно и точно ответить на этот вопрос, и всегда я видел, что взрослые недовольны ответом, у них наступало какое-то разочарование, что ли. У всех у них в глазах как будто бывает написана одна и та же мысль, приблизительно такая: «У-у-у... Какой банальный ответ! Он любит папу и маму одинаково! Какой скучный мальчик!»

Потому я и совру им про Михаила Талья, пусть посмеются, а я пока попробую снова вырваться из стальных объятий моего нового знакомого! Куда там, видно, он поздоровее Юрия Власова. И сейчас он мне задаст еще один вопросик. Но по его тону я догадываюсь, что дело идет к концу. Это будет такой самый смешной вопрос, вроде бы на сладкое. Сейчас его лицо изобразит сверхъестественный испуг:

— А ты сегодня почему не мылся?

Я мылся, конечно, но я прекрасно пойму, куда он клонит.

И как им не надоест эта старая, заезженная игра?

Чтобы не тянуть волынку, я схвачусь за лицо:

— Где?! — вскрикну я. — Что?! Где?

Точно! Прямое попадание! Взрослый мгновенно про-
изнесёт свою старомодную муру.

— А глазки? — скажет он лукаво. — Почему такие
черные глазки? Их надо отмыть! Иди сейчас же в ван-
ную!

И он наконец-то отпустит меня! Я свободен и могу
приниматься за дела.

Ох, и трудненько достаются мне эти новые знакомст-
ва! Но что поделать? Все дети проходят через это! Не я
первый, не я последний...

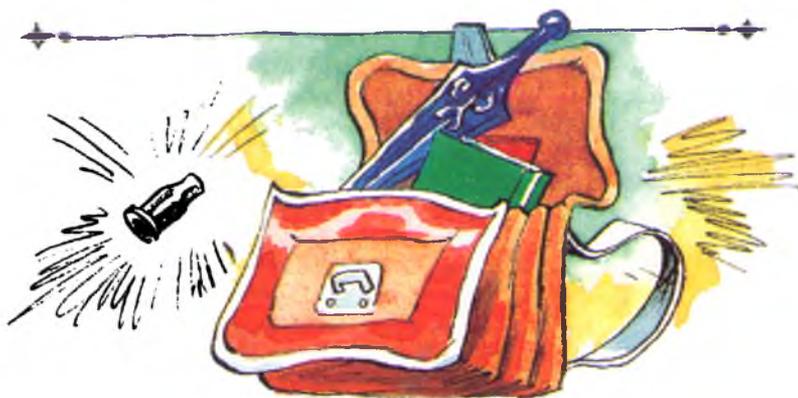
Тут ничего изменить нельзя.

СОДЕРЖАНИЕ

Расскажите мне про Сингапур.....	5
Чики-брык.....	14
Хитрый способ.....	23
Где это видано, где это слыхано.....	29
Синий кинжал.....	39
Куриный бульон.....	44
Англичанин Павля.....	53
Ничего изменить нельзя	57

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 72

Серийное оформление разработано *И. Сауковым*

Драгунский В. Ю.
Д 72 Где это видано...: Рассказы для детей / Илл. В. и С. —
М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.— 64 с. (Серия «Точка,
точка, запятая...»).

ISBN 5-04-002131-3

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Драгунский Виктор Юозефович
ГДЕ ЭТО ВИДАНО...

Художники *В. и С.*

Редактор *Л. Кондрашова*
Художественный редактор *И. Сауков*
Компьютерная графика *А. Степиов*
Компьютерная верстка *Г. Дегтяренко*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диалюзитпов 17.02.99. Формат 70×90 1/16
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,3.
Тираж 15 000 экз. Зак. № 1225.

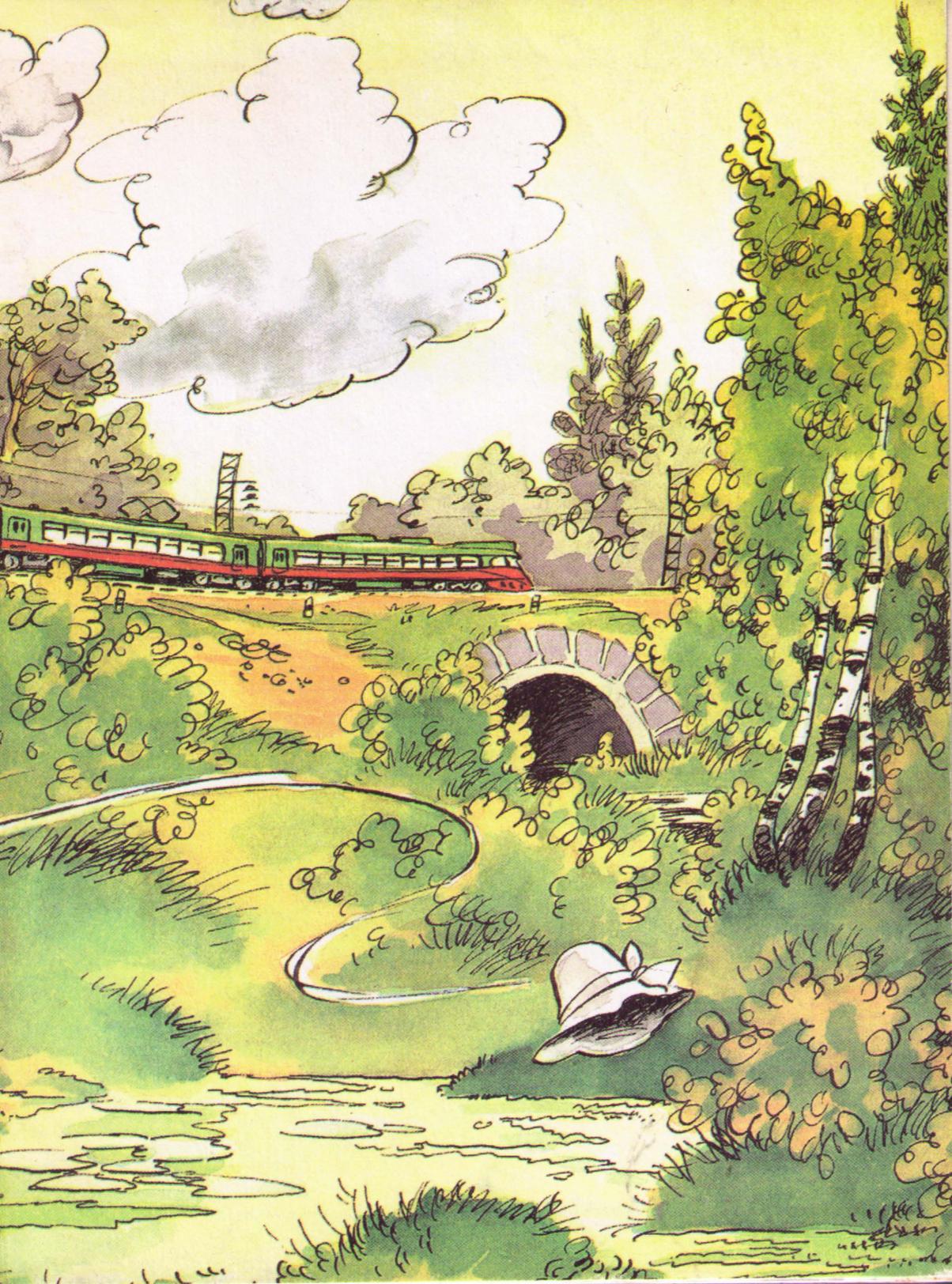
ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Изготовлено в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

© А. В. Драгунская. Текст. 1999 г.
© В. и С. Иллюстрации. 1999 г.
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Серийное оформление, 1999 г.

ISBN 5-04-002131-3

287

ISBN 5-04-002131-3

9 785040 021314 >

